

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Тулум Андрей Сергеевич

**ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ И ПОЛИТИКО-
КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО
РЕЖИМА В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА**

РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ

на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:

доктор политических наук, доцент

Энтина Екатерина Геннадьевна

Москва – 2025

Постановка исследовательской проблемы

Глобализация, появление новых независимых государств, развитие международного права и другие системные изменения конца второй половины XX века привели к переосмыслению роли языка в политике как на уровне внутриполитических процессов, так и в сфере межгосударственных отношений. В результате появилось много исследований, посвящённых связи языка с такими понятиями, как национальная идентичность¹, гражданство², нациестроительство³, языковые права и права этнических меньшинств⁴, управление многообразием⁵. Все эти вопросы составляют предмет языковой политики, для которой традиционным исследовательским полем является социолингвистика. Однако усложнение политических процессов с выраженным этноязыковым фактором способствовало повышенному интересу к ним и со стороны политической науки, представители которой внесли определённый вклад в описание нормативного эффекта языковой политики⁶, а также предложили пути объединения методов и подходов обеих дисциплин для обогащения исследовательского инструментария⁷.

---

¹ Schmidt R. Sr. *Political Theory and Language Policy* // Ricento, T. (ed.) *An Introduction to Language Policy: Theory and Method*. Malden: Wiley-Blackwell, 2006. P. 95–110.

² Ricento T. *Thinking about Language: What Political Theorists Need to Know about Language in the Real World* // *Language Policy*. 2014. Vol. 13. P. 351–369.

³ Hornberger N. *Frameworks and Models in Language Policy and Planning* // Ricento T. (ed.) *An Introduction to Language Policy: Theory and Method*. Malden, MA: Blackwell, 2006. P. 24–41.

⁴ Arzoz X. *The Nature of Language Rights* // *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. 2007. Vol. 6(2). P. 1–35.; Castiglione D. *Introduction: Negotiating Language Regime* // Castiglione D., Longman C. (eds.) *The Language Question in Europe and Diverse Societies: Political, Legal and Social Perspectives*. London: Hart Publishing, 2007. P. 1–14.; De Varennes F. *Language Rights as an Integral Part of Human Rights* // *IJMS: International Journal on Multicultural Societies*. 2001. Vol. 3(1). P. 15–25.; De Varennes F. *Language, Rights and Power: The Role of Language in the Inclusion and Exclusion of Indigenous Peoples* // *UN Expert Mechanism on the Rights of Indigenous Peoples* (OHCHR: Geneva, 2011). URL: <http://www.ohchr.org/Documents/Issues/IPeoples/EMRIP/StudyLanguages/> (дата обращения: 10.08.2024); May S. *Rearticulating the Case for Minority Language Rights* // *Current Issues in Language Planning*. 2003. Vol. 4(2). P. 95–125.

⁵ Pool J. *Optimal Language Regimes for the European Union* // *International Journal of the Sociology of Language*. 1996. Vol. 121. P. 159–180.

⁶ Kymlicka W., Patten A. (eds.) *Language Rights and Political Theory*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2003. 364 p.

⁷ Schmidt R. *Op. cit.*; Peled Y. *Normative Language Policy: Interface and Interferences* // *Language Policy*. 2014. Vol. 13. P. 301–315.

Ещё часть трудов затрагивали *политику языка*, которую отечественный специалист Н. М. Мухарямов⁸ позже концептуализировал как «область обоюдно релевантных отношений, обмена деятельностью и волевыми установками по поводу языка и политики», что следует отличать от *языковой политики*, обычно определяемой как комплекс мер, принимаемых государством по регулированию использования языков на его территории и обеспечению прав говорящих на них людей. Такой подход позволил рассматривать в исследованиях не только действия конкретных правительств, как правило ограниченных по времени, а анализировать те непрерывные практики, связанные с языковыми вопросами в политической жизни, в которых участвует не только правительство, а более широкий состав формальных и неформальных акторов⁹.

В то же время наблюдался явный недостаток работ, в которых бы объяснялся процесс формирования той или иной модели языковой политики. Одной из попыток восполнить этот пробел стали концепции «государственных традиций» и «языковых режимов», предложенные исследователями Л. Кардинал и С. Зоннтаг¹⁰. Работая в рамках исторического институционализма, они утверждают, что государственные традиции, понимаемые как институциональные и нормативные паттерны государственной политики, определяют путь, в рамках которого государство реализует свою политику, в том числе языковую. В качестве наглядного примера они приводят Канаду, где исторически сложившиеся традиции

---

⁸ Мухарямов Н. М. Политика языка и языковая политика // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Под ред. И. С. Семененко. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. С. 677–684.

⁹ Мухарямов Н. М. Языковая политика и политика языка: к вопросу о «действующих лицах» // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. № 15(4). С. 5–15.; Хилханова Э. В. Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике (на примере России и Западной Европы) // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. №16(3). С. 756–815.; Phillipson R., Skutnabb-Kangas, T. The Politics and Policies of Language and Language Teaching // Long M.H., Doughty C.J. (eds) The Handbook of Language Teaching. Malden: Wiley, 2009. P. 26–41.; Schmid, C. The Politics of Language: Conflict, Identity, and Cultural Pluralism in Comparative Perspective. New York: Oxford University Press, 2001. 232 p.; Sonntag S. K., Turin, M. (eds.) The Politics of Language Contact in the Himalaya. New edition [online]. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2019. 181 p.

¹⁰ Cardinal L., Sonntag S. (eds.) State Traditions and Language Regimes. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2015. 288 p.

политического компромисса и федерализма привели к формированию билингвального языкового режима¹¹.

За последние годы объяснительный потенциал этого подхода был использован в целом ряде исследований по языковым режимам. При этом большая часть из них посвящены не раз изученным случаям государств, географически расположенных в Северной Америке и Западной Европе, реже в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии, в то время как схожие языковые ситуации и проблемы управления разнообразием существуют повсеместно. По мнению Л. Кардинал и С. Зоннтаг¹², особый интерес представляет регион Восточной Европы, где в отличие от западных стран можно наблюдать, как государственные традиции социалистической эпохи нередко вступают в конфликт с традициями, сложившимися ещё в XIX веке, а также теми, что зародились сейчас в процессе европеизации. Здесь же возникает вопрос о применимости концепции государственных традиций к странам, которые, как правило, были субъектами федеративных объединений и после падения коммунистических режимов впервые в своей современной истории стали самостоятельными государствами, а следовательно, не имеют государственных традиций в их изначальном смысле. В связи с этим представляется более корректным говорить о политико-институциональных традициях, преемственность которых возможно проследить.

Одной из таких стран является Республика Молдова (далее Молдова или РМ). Несмотря на то, что в современных границах независимым государством она стала только в 1991 г., особая языковая ситуация на её территории сложилась ещё в XIX веке. Присоединение Бессарабии к Российской империи в 1812 г. ознаменовало начало широкого распространения русского языка в регионе, который к концу века стал

---

¹¹ Cardinal L. State Tradition and Language Regime in Canada // Cardinal L., Sonntag S. (eds.) State Traditions and Language Regimes. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2015. P. 29–44.

¹² Cardinal L., Sonntag S. State Traditions and Language Regimes: A Historical Institutionalism Approach to Language Policy // Acta Universitatis Sapientiae, European and Regional Studies. 2015. Vol. 8(1). P. 5–21.

главным средством общения между различными этническими группами, совместно проживавшими на этих землях¹³. При этом русификаторская политика царского правительства не позволяла развиваться другим языкам, прежде всего молдавскому, обучения на котором в образовательных учреждениях не было. После революции 1917 г. территория Бессарабии была аннексирована Румынией, которая до 1940 г., а также в период оккупации (1941 – 1944 гг.) осуществляла политику румынизации, насаждая румынский язык и соответствующую идентичность. После окончания войны была воссоздана учреждённая в 1940 г. Молдавская ССР, в которой молдавский действовал на кириллической графике. Однако большую роль снова стал играть русский как язык межнационального общения всего СССР, что создавало дисбаланс в использовании обоих языков.

Текущий языковой режим в РМ сложился в 1989 г. с принятием фактически действующего до сих пор закона «О функционировании языков на территории Молдавской ССР». Он установил наличие только одного государственного языка – молдавского на латинской графике (то есть румынского), тогда как за русским был закреплён статус языка межнационального общения. Однако в результате недовольства положениями данного закона, вылившегося в вооружённые столкновения в преимущественно русскоязычных регионах Приднестровья и Гагаузии, фактический языковой режим в республике неоднороден. На территории всей Молдовы единственным государственным является румынский язык, в автономной республике Гагаузии официальными признаны гагаузский, молдавский/румынский и русский языки, тогда как в Приднестровье равноправными официальными языками являются русский, украинский и молдавский (на кириллической графике).

---

¹³ На 1916 г. молдаване составляли только 2/3 населения губернии, затем шли евреи, украинцы, русские, а также немецкие, болгарские и польские переселенцы. См. Kaba J. *Politico-Economic Review of Basarabia* // United States Army. The Hoover Commission for Roumania. 1919. 32 p. URL: <https://www.loc.gov/item/19019112/> (дата обращения: 10.08.2024).

Таким образом, представляется интересным изучить, какие политико-институциональные традиции привели к формированию современного языкового режима в рамках международно-признанных границ Республики Молдова, а также проследить, как он меняется в силу европейских устремлений республики, закреплённых в 2014 г. Соглашением об ассоциации с Европейским Союзом (ЕС) и усиленных предоставленным Молдове статусом кандидата на членство в ЕС в 2022 г.

Степень разработанности проблемы

Вопрос языковых режимов находится в поле зрения исследователей относительно непродолжительное время, в связи с чем до сих пор не было разработано универсального концептуального подхода к его изучению. Большинство работ по этой проблематике относятся к case study, реже представляют собой сравнительные исследования. Отдельной категорией можно считать труды, посвящённые языковым режимам Европейского Союза и других международных организаций. Но систематизировать имеющиеся подходы предлагается в зависимости от того, рассматривают ли они языковой режим как результат языковой политики государства или в качестве языковых практик, отражающих формальные и неформальные отношения между различными акторами по поводу языка и политики.

Наиболее распространённой интерпретацией первого подхода к языковым режимам является определение, данное в работах Дж. Пула. Рассуждая о взаимозависимости национального политического и языкового режимов, под последним он понимает ситуацию наличия в образующем нацию сообществе языка, которым большинство его членов владеет и который является основным средством общения внутри него. То есть языковой режим в версии Пула – это определённая статичная ситуация, или, как он сам определяет её, «совокупность одного или более официальных языков и набор

правил, регулирующих их использование»¹⁴. При этом он интерпретируется как следствие языковой политики национального государства или международной организации (союза государств), под которой понимаются различные меры, направленные на определение официальных, рабочих или миноритарных языков, их стандартизацию, продвижение и изучение. Такое понимание языковых режимов можно найти в работах социолингвистов, которые обычно посвящены оценке эффективности разных моделей языковых режимов и определению факторов их оптимальности и стабильности¹⁵.

Чаще всего объектом этих исследований становится Европейский Союз. В связи со значительным увеличением государств-членов ключевыми вопросами для ЕС остаются поиск оптимального языкового режима¹⁶; усиление глобальной роли английского языка как вызов мультилингвизму ЕС¹⁷, а также проблема возможного языкового отчуждения граждан ЕС от его институтов в случае отказа от мультилингвального подхода¹⁸. Ключевым исследованием здесь можно считать книгу М. Гадзолы «Оценка языковых режимов: теория и практика (на примере международных патентных организаций)»¹⁹, где он изучает как сам вопрос необходимости оценки языковых режимов, так и критерии, по которым её можно проводить (эффективность и справедливость).

---

¹⁴ Pool J. Language Regimes and Political Regimes // Weinstein B. (ed.) Language Policy and Political Development. Norwood: Ablex, 1990. P. 241–61.; Pool J. Optimal Language Regimes for the European Union // International Journal of the Sociology of Language. 1996. Vol. 121. P. 159–180.

¹⁵ Castiglione D. Op. cit.; Gazzola M. The Evaluation of Language Regimes: Theory and application to multilingual patent organizations. Amsterdam, Netherlands, Philadelphia, USA: John Benjamins Publishing Company, 2014. 380 p.; Moormann-Kimáková B. Language-related Conflicts in Multinational and Multiethnic Settings: Success and Failure of Language Regimes. Wiesbaden, Germany: Springer VS, 2016. 278 p.

¹⁶ Ammon U. Language Conflicts in the European Union // International Journal of Applied Linguistics. 2006. Vol. 16(3). P. 319–338.

¹⁷ Civico M. Simulating Language Knowledge across the EU: Language Regimes, Language Learning and Consequences for Linguistic Disenfranchisement // Journal of Computational Social Science. 2022. Vol. 5. P. 537–563.; Leal A. The European Union's Translation Policies, Practices and Ideologies: Time for a Translation Turn // Perspectives. 2021. Vol. 30(2). P. 195–208.; Phillipson R. Language Policy and Education in the European Union // May S., Hornberger N. H. (ed.) Encyclopedia of Language and Education. New York: Springer, 2008. P. 255–265.; Van Parijs P. Europe's Linguistic Challenge // European Journal of Sociology. 2004. Vol. 45(1). P. 113–154.

¹⁸ Gazzola M. Multilingual communication for whom? Language policy and fairness in the European Union // European Union Politics. 2016. Vol. 17(4). P. 546–569.; Ringe N. The Language(s) of Politics: Multilingual Policy-Making in the European Union. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2022. 264 p.

¹⁹ Gazzola M. The Evaluation of Language Regimes: Theory and application to multilingual patent organizations. Amsterdam, Netherlands, Philadelphia, USA: John Benjamins Publishing Company, 2014. 380 p.

Второй подход основывается прежде всего на уже упомянутых работах Л. Кардинал и С. Зоннтаг. Их концептуализация языкового режима как «языковых практик, а также концепций и представлений о языке и его использовании, которые формируются под влиянием государственной политики, а затем воспроизводятся пользователями языка»²⁰ позволяет понять, как именно сложился языковой режим в случае конкретной страны, а не только рассмотреть правовую рамку, формирующуюся в результате языковой политики государства. Объяснительный потенциал этого подхода, оформленный языком исторического институционализма, способствовал его применению во многих работах, вышедших за последние десять лет²¹. Любопытным случаем можно назвать исследование о языковом регулировании в Испании, в котором авторы, используя нормативный подход, в дальнейшем планируют искать причины обнаруженных различий в региональных языковых режимах Испании в их историческом наследии, следуя концепции государственных традиций²², что явно демонстрирует закрепление использования обоих подходов в науке и их дифференциацию.

Тем не менее у этого подхода есть ограничения, связанные с отсутствием возможности обнаружить государственные традиции у стран, недавно или заново обретших свою независимость. В особенности это касается бывших колониальных и постсоциалистических государств, имеющих слабый государственный аппарат, хрупкие чувства принадлежности

---

²⁰ Cardinal L., Sonntag S. (eds.) *State Traditions and Language Regimes*. P. 6.

²¹ Burckhardt T. Linguistic Territoriality in Switzerland: Exploring the Roots of a Constitutional Principle // *Language Problems and Language Planning*. 2021. Vol. 45(2). P. 187–217.; Liu, A. The Politics of Language Regimes: Comparative Analysis of Southeast Asia // Cardinal L., Sonntag S. (eds.) *State Traditions and Language Regimes*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2015. P. 137–153.; Marácz L. Is the EU Accession a Critical Juncture for Romania's Language Policy? // *Belvedere Meridionale*. 2017. Vol. 29(4). P. 28–42.; Rousseau S., Dargent E. The Construction of Indigenous Language Rights in Peru: A Language Regime Approach // *Journal of Politics in Latin America*. 2019. Vol. 11(2). P. 161–180.; Szul R. Poland's Language Regime Governing Kashubian and Silesian. // Cardinal L., Sonntag S. (eds.) *State Traditions and Language Regimes*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2015. P. 79–96.; Terlikbayeva N., Menlibekova G. The Dynamics of Language Shift in Kazakhstan: Review Article // *Journal of English Language Teaching and Applied Linguistics*. 2021. Vol. 3(2). P. 12–22.; Walsh J. The Irish Language Regime and Language Ideology in Ireland // Cardinal L., Sonntag S. (eds.) *State Traditions and Language Regimes*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2015. P. 62–78.

²² Morales-Gálvez S., Cetrà D. Regulating language: Territoriality and Personality in Plurinational Spain // *Ethnicities*. 2022. Vol. 22(2). P. 253–273.

и гражданской лояльности, а также этническое многообразие²³. Как уже отмечалось выше, для разрешения этой методологической проблемы вместо государственных предлагается говорить о политико-институциональных традициях, которые возможно проследить даже в условиях смены формы управления территорией и проживающего на ней сообщества. Кроме того, стоит учитывать и политико-культурные традиции, которые, обладая ещё большей устойчивостью, отражают сложившиеся в том числе под действием предыдущих политик представления о языках в сообществе и оказывают влияние на формирование нового языкового режима. В пользу рассмотрения политико-культурного компонента говорит и работа А. Карла²⁴. Исследовав, как политические институты влияют на социальные отношения между языковыми группами, он предложил оценивать языковую политику государства на основе её способности нейтрализовывать дискриминирующие установки в сообществе и нормализовывать языковое многообразие.

Если обратиться к отечественным исследованиям, Н. М. Мухарямов отмечает слабую концептуализацию проблематики языковых режимов в российской науке²⁵. Поэтому ключевыми работами по языковым режимам в нашей стране можно считать труды Н. В. Борисовой²⁶. Суммируя достижения коллег, она предложила собственную интерпретацию понятия «языковой режим» как разновидности социального порядка, то есть результата многочисленных коммуникативных действий и взаимодействий, сопряжённых с институционализацией и рациональной легитимацией практик и норм использования языка в сообществе. А её сравнительный анализ языковых режимов в сложноустроенных полициях показал, что обе модели

---

²³ Beichelt T. Stateness // Merkel W., R. Kollmorgen, Wagener H.-J. (eds.) *The Handbook of Political, Social, and Economic Transformation*. Oxford, UK: online edn, Oxford Academic, 21 Mar. 2019. P. 657–660. URL: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198829911.003.0076> (дата обращения: 10.08.2024).

²⁴ Carlá A. Living Apart in the Same Room: Analysis of the Management of Linguistic Diversity in Bolzano // *Ethnopolitics*. 2007. Vol 6(2). P. 285–313.

²⁵ Мухарямов Н. М. Политика языка и языковая политика ...

²⁶ Борисова Н. В. Языковой территориальный режим: концептуализация понятия // *ARS ADMINISTRANDI*. 2016. №3. С. 5–15.; Борисова Н. В. Факторы вариативности языковой политики и языковых режимов в сложноустроенных полициях: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Борисова Надежда Владимировна. Пермь, 2021. 320 с.

языковых режимов, объединяющая и разъединяющая, способствуют территориальной целостности государств.

Что касается исследований, объектом которым становилась Республика Молдова, языковая ситуация в ней и вопрос управления этноязыковым разнообразием были предметом ограниченного числа научных работ²⁷. Чаще всего они рассматривались либо в контексте процесса нациестроительства, либо в рамках изучения внешнеполитического курса республики и связанных с ним геополитических процессов.

Работы, подготовленные в 1990-х – 2000-х гг., в основном анализировали причины неудачных попыток молдавского нациестроительства на современном этапе. Среди ключевых факторов они чаще всего называли политизацию вопросов языка и истории со стороны элит, значительный разрыв в понимании друг друга между идеологами проектов нациестроительства и самой нацией, которую они хотели бы создать, а также неопределённость языковой идентичности, преодолеть которую сложно в силу мультиэтничности населения республики²⁸. Исследования 2010-х – 2020-х гг. продолжили изучать проблему национальной идентичности в Молдове в основном в рамках уже сложившихся направлений. Часть из них представляют собой обзорные работы, которые прослеживают процесс формирования

---

²⁷ Фурман Д. Е. Молдавские молдаване и молдавские румыны: влияние особенностей национального сознания молдаван на политическое развитие Республики Молдова // Доклады Института Европы. Выпуск 206. М.: Институт Европы РАН, 2007. 133 с.; Ciscel M. A. Separate Moldovan Language? The Sociolinguistics of Moldova's Limba de Stat // Nationalities Papers. 2006. Vol. 34(5). P. 575–597.; Ciscel M. Reform and Relapse in Bilingual Policy in Moldova // Comparative Education. 2010. Vol. 46(1). P. 13–28.; Osipov A., Vasilevich H. Transnistrian Nation-Building: A Case of Effective Diversity Policies? // Nationalities Papers. 2019. Vol. 47(6). P. 983–999.; Marandici I. Multiethnic Parastates and Nation-Building: The Case of the Transnistrian Imagined Community // Nationalities Papers. 2020. Vol. 48(1). P. 61–82.; Wolfschwenger, J., Saxinger, K. Federalism, National Identity and Overcoming Frozen Conflicts: Moldova's Experience // Ethnopolitics. 2020. Vol. 19(4). P. 356–368.

Как один из случаев в рамках анализа языковой политики российского и советского государства в исторической перспективе: Алпатов В. М. 150 языков и политика: 1917 – 2000. Москва: Крафт+ИВ РАН, 2000. 224 с.; Laitin D., Petersen R., Slocum J. Language and the State: Russia and the Soviet Union in Comparative Perspective // Motyl A. (ed.) Thinking Theoretically About Soviet Nationalities: History and Comparison in the Study of the USSR. New York: Columbia University Press, 1992. P. 129–168.

²⁸ Cash J. Origins, Memory, and Identity: “Villages” and the Politics of Nationalism in the Republic of Moldova // East European Politics and Societies. 2007. Vol. 21(4). P. 588–610.; Ciscel M. The Language of the Moldovans: Romania, Russia, and Identity in an Ex-Soviet Republic. Lanham, MD: Lexington Books, 2007. 171 p.; Cusco A. The “Politics of Memory” and “Historical Policy” in Post-Soviet Moldova // Miller A., Lipman M. (eds.) The Convolutions of Historical Politics. Budapest, Hungary: Central European University Press, 2012. P. 175–210.; King Ch. The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture. Stanford: Hoover Inst. Press, 2000. 303 p.

современной молдавской идентичности и ищут причины её двойственного характера²⁹. Другие ставят целью выделить возможные типы национальных идентичностей и обозначить их границы³⁰, а также определить набор свойственных им паттернов поведения³¹. Отдельное внимание уделяется внешнеполитическим факторам, которые трансформировали привычные прорумынскую и пророссийскую идентичности в геополитические проевропейскую и проевразийскую³². Тем не менее большинство авторов по-прежнему подчёркивают первичность языкового фактора в вопросе национальной идентичности жителей Молдовы, усложнённого идеологическими и политическими размежеваниями. Особый интерес в этом контексте вызывает работа К. Маркуардта, который, исследуя на примерах Приднестровья и Гагаузии связь языка и сепаратизма, пришёл к выводу, что язык может быть значительно более мощным фактором развития сепаратистских настроений, чем этническая идентичность³³.

Из альтернативных подходов к интерпретации сложившейся ситуации выделяется работа Ф. Прины, которая рассматривает случай Молдовы через концепцию языковой справедливости³⁴. Автор утверждает, что возведение молдавского языка в статус единственного государственного компенсирует этническому большинству несправедливость доминирующего статуса русского языка в советский период. Вместе с тем это спровоцировало другую несправедливость, теперь для русскоязычного населения,

---

²⁹ Baar V., Jakubek V. Divided National Identity in Moldova // *Journal of Nationalism, Memory & Language Politics*. 2017. Vol. 11(1). P. 58–92.

³⁰ Brie M. Comparative Conceptual Perspectives on Identity Borders in the Republic of Moldova // *Europolity*. 2021. Vol. 15(2). P. 5–29.

³¹ Knott E. What Does it Mean to Be a Kin Majority? Analyzing Romanian Identity in Moldova and Russian Identity in Crimea from Below // *Special Issue: New Frontiers in the Comparative Study of Ethnic Politics and Nationalism*. 2015. Vol. 96 (3). P. 830–859.

³² Negura P., Suveica S. Everyday Ethnicity and Popular Responses to Nation-Building Projects in Moldova After 1989 // *Comp. Southeast Europ. Stud.* 2023. Vol. 71(4). P. 465–487.; Simionov L. M. Shifting Attitudes towards Identity, Borders and Geopolitical Choices: The Case of Moldova // *Regional Science Policy & Practice*. 2023. Vol. 15. P. 200–221.

³³ Marquardt K. Language, Ethnicity, and Separatism: Survey Results from Two Post-Soviet Regions // *British Journal of Political Science*. 2022. Vol. 52(4). P. 1831–1851.

³⁴ Prina F. Linguistic Justice, Soviet Legacies and Post Soviet Realpolitik: The Ethnolinguistic Cleavage in Moldova // *Ethnopolitics*. 2015. Vol. 14(1). P. 52–71.

вынужденного адаптироваться к условиям нового национального государства. При этом Прина задаётся вопросом, заинтересованы ли в целом молдавские элиты в решении языковой проблемы или предпочитают эксплуатировать её и далее в своих интересах. Считая второй вариант более близким к истине, часть исследователей предлагают сфокусировать внимание на изучении «повседневного», существующего на индивидуальном уровне, национализма в Молдове, отделённого от этничности³⁵. Такой подход, к примеру, позволяет по-другому посмотреть на причины возникновения сепаратистских движений в республике как зародившихся внутри сообществ национальных меньшинств, а не привнесённых вмешательством извне³⁶, а также раскрыть ранее неизученные гендерные и религиозные аспекты национального возрождения³⁷.

Подводя итог вышеизложенному обзору, можно заметить, что основную ответственность за провал нациестроительства в Молдавии исследователи возлагают на государство и формирующие его элиты. Они оказались неспособны создать национальную идентичность, которую бы восприняло большинство населения республики, а лишь эксплуатируют завязанные на ней языковые размежевания на протяжении всего периода независимости. При этом за эти годы так и не появилось исследование, посвящённое Молдове, которое бы не только описало результаты государственной политики в сфере языка, но объяснило её предпосылки, а также причины, почему она не резонирует с представлениями жителей Молдовы о языках и их отношением к многоязычию. В настоящем диссертационном исследовании предпринимается попытка закрыть этот

---

³⁵ Van Meurs, W. Moldova: Nested Cases of Belated Nation-building // *Revue d'études comparatives Est-Ouest*, Editions NecPlus. 2015. Vol. 46(1). P. 185–209.

³⁶ Solonari V. Popular Sentiments and Political Failures: Understanding the Disintegration of the Republic of Moldova, 1989–1990 // *Comp. Southeast Europ. Stud.* 2023. Vol. 71(4). P. 488–516.

³⁷ Cash J. Widening “Ground-Up” Nationalism: Some Reflections on Religion and Gender in the Republic of Moldova // *Comp. Southeast Europ. Stud.* 2023. Vol. 71(4). P. 546–564.

пробел с помощью скорректированных концепций «государственных традиций» и «языковых режимов» Л. Кардинал и С. Зоннтаг.

Основной исследовательский вопрос

Какие политико-институциональные и политико-культурные традиции привели к формированию современного языкового режима в Республике Молдова?

Цели и задачи исследования

Цель диссертационного исследования – определить, какие политико-институциональные и политико-культурные традиции, исторические сложившиеся на территории Республики Молдова, оказали влияние на формирование её современного языкового режима.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **задачи**:

1. Рассмотреть и систематизировать имеющиеся в науке подходы к изучению языковых режимов и обосновать важность самостоятельного использования понятия «языковой режим» в исследованиях языковой политики.
2. Концептуализировать понятия «языковой режим», «языковая политика» и «политика языка», а также объяснить связь между ними.
3. Адаптировать концепции «государственных традиций» и «языковых режимов» Л. Кардинал и С. Зоннтаг для исследования постсоциалистических и постколониальных государств.
4. Выявить, какие политико-институциональные и политико-культурные традиции сложились на территории современной Молдавии за период её пребывания в составе Российской империи (1812 – 1917) и Румынии (1918 – 1940) в качестве Бессарабии и в советский период Молдавской АССР (1924 – 1940) и Молдавской ССР (1940 – 1991).
5. Проанализировать процесс формирования правовой рамки современного языкового режима в Республике Молдова и определить влияние на него

политико-институциональных и политико-культурные традиций предшествующих исторических периодов.

6. Описать языковые практики в Республике Молдова в четырёх сферах: государственные услуги, государственное образование, средства массовой информации и коммерческие услуги.
7. Проследить эволюцию языкового режима в республике в условиях действия Соглашения об ассоциации с Европейским Союзом (далее ЕС) и предоставления Молдове статуса кандидата на членство в ЕС.

Границы исследования

Географические границы – международно-признанная территория Республики Молдова.

Нижней **хронологической границей** исследования будет считаться 1812 г., когда современная территория Молдавии, именуемая тогда Бессарабией, вошла в состав Российской империи, что положило начало формированию политико-институциональных и политико-культурных традиций управления этноязыковым многообразием на этих территориях. Верхней – настоящее время. Для ответа на основной исследовательский вопрос в рамках данной диссертации будет необходимо обратиться к истории страны, где можно выделить следующие этапы:

- XIX век – конец Первой мировой войны, когда рассматриваемая территория была частью Российской империи;
- Межвоенный период, когда большая часть современной Молдавии была частью Королевства Румынии, а Левобережье Днестра – Молдавская АССР в составе Украинской ССР;
- Социалистический период – Молдавская ССР в составе Советского Союза;
- Современный этап – с момента принятия в МССР закона «О функционировании языков на территории Молдавской ССР» в 1989 г.

Основные рабочие понятия

Языковая политика – совокупность мер, принимаемых государством, с целью регулирования использования языков на его территории и контроль за соблюдением этих мер. Например, выбор государственного либо официальных языков страны, определение языка обучения в учреждениях образования, установление правил использования языков в публичной сфере.

Политика языка – область формальных и неформальных взаимоотношений по поводу языка и политики, существующих в рамках определённого сообщества.

Политико-институциональные традиции – институциональные паттерны и принципы государственной политики, возникшие в силу исторически сложившихся особенностей устройства национального государства. К примеру, в Италии существуют «регионы с особым статусом». Они были созданы несколько десятилетий назад с целью сохранения национального единства, которое могло быть нарушено из-за наличия национальных меньшинств (Валле д'Аоста, Южный Тироль, Фриули-Венеция-Джулия) и сепаратистских движений (на Сицилии и Сардинии).

Политико-культурные традиции – субъективные установки и настроения, а также объективные символы и убеждения, которые в совокупности управляют политическим поведением и придают структуру и порядок политическому процессу³⁸. Например, советский интернационализм, выразившийся в идее о «дружбе народов». В контексте изучаемого кейса примером такой традиции также можно считать представление о молдаванах как «бессарабских румынах» либо совершенно противоположное мнение,

---

³⁸ Pye L. Political Culture // Krieger J. (ed.) The Oxford Companion to Politics of the World, 2001. URL: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780195117394.001.0001/acref-9780195117394-e-0596> (дата обращения: 10.08.2024).

культивируемое в Приднестровье, о том, что молдавский и румынский – два разных языка.

Языковой режим – это набор институциональных языковых практик, которые отражают характер формальных и неформальных отношений по поводу языка и политики между разного рода акторами, сложившихся в конкретном сообществе под влиянием свойственных ему политико-институциональных и политико-культурных традиций. В данном исследовании языковой режим будет операционализирован через четыре ключевые сферы, где политика языка лучше всего манифестируется в социальной жизни: государственные услуги, государственное образование, средства массовой информации и коммерческие услуги.

Языковые практики – привычный паттерн выбора того или иного языка, имеющегося в языковом репертуаре членов полиэтничного сообщества, для использования в конкретной ситуации или определённой сфере публичной жизни³⁹.

Названия «**Республика Молдова**», «**Молдова**» и «**Молдавия**» используются как равнозначные для обозначения молдавского государства, провозглашённого 27 августа 1991 г.

Лингвонимы «**молдавский язык**» и «**румынский язык**» являются названиями единого языка, имеющего государственный статус в Республике Молдова и Румынии. При этом их использование в тексте настоящей диссертации как двух равнозначных или, наоборот, разных понятий определяется и объясняется описываемыми в ней историческими и политическими контекстами и свойственными им практиками.

---

³⁹ Spolsky B. Language Policy. Key Topics in Sociolinguistics. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004. 255 p.

Теоретической рамкой диссертации выступают концепции, заимствованные из инструментария исторического институционализма, а именно «тропа зависимости» (path dependence), благодаря которой становится возможным объяснить, как политико-институциональные и политико-культурные традиции влияют на выбор той или иной модели языковой политики, а следовательно, и на формирование языкового режима. Как правило, это происходит в определённых «критических развилках» (critical junctures), под которыми понимаются любые резкие изменения либо кризисы социального, экономического и даже природного характера, что также позволяет понять, как и почему происходит смена языковых режимов.

Исходя из этого, **основным методом** настоящего исследования является *process tracing*, определяемый как «метод углубленного изучения конкретного кейса, используемый в социальных науках для отслеживания причинно-следственных механизмов и того, как они действуют в рамках определённого кейса»⁴⁰. Данный метод подразумевает определение наличия (либо отсутствия) предполагаемого выбранной теорией каузального механизма, который связывает изначальные условия кейса и наблюдаемый итог, чаще всего выраженные в переменных⁴¹. Но, так как использовать язык переменных для описания исторических событий и процессов обычно не представляется возможным и полезным⁴², для исследования языковых режимов предлагаем использовать интерпретивистскую разновидность выбранного метода, а именно *practice tracing*. Его автор, В. Пульо, считает практики релевантными единицами анализа в рамках *process tracing* не только

---

⁴⁰ Beach D. Process Tracing Methods // Oxford Bibliographies. International Relations. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199743292/obo-9780199743292-0227.xml> (дата обращения: 10.08.2024).

⁴¹ Mahoney J. Strategies of Causal Assessment in Comparative Historical Analysis // Mahoney J., Rueschemeyer D. (eds.) Comparative Historical Analysis in the Social Sciences. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. P. 337–372.

⁴² Bengtson B., Ruonavaara H. Comparative Process Tracing in Housing Studies // International Journal of Housing Policy. 2011. Vol. 11(4). P. 7.

потому, что они по своей сути процессы, но и так как они тоже обладают каузальной силой⁴³. Практики способствуют воспроизводству других практик, которые формируют социальную и политическую реальность, например, режим. При этом, как отмечает Пульо, важно учитывать, что производительная сила практик проистекает из содержательного контекста, в котором они имеют место и в котором они приобретают смысл для акторов, их осуществляющих.

В случае Молдовы для языковых практик, составляющих языковой режим, таким контекстом является процесс нациестроительства. Использование *practice tracing* в данном исследовании позволяет определить, какие политико-институциональные и политико-культурные традиции, тоже представляющие собой практики, повлияли на формирование языкового режима в Республике Молдова.

Сначала мы анализируем сложившиеся в молдавском обществе формальные и неформальные отношения по поводу языка и политики. Первые выражаются в практиках публичной политики в языковой сфере, направленной на формирование правовой рамки языкового режима, тогда как последние представляют собой сопутствующий этим практикам и оформляющий их обмен установками и представлениями о языках и их использовании. Для этого мы изучаем не только сами тексты законов республики, правительственных стратегий, концепций и программ в языковой сфере (в особенности их мотивировочную часть), но и сопровождавшие их разработку и принятие политические процессы в стране и, прежде всего, в институтах государственной власти. Ключевым из них мы видим процесс оспаривания политическими силами принятых нормативно-правовых актов в Конституционном суде, чьи постановления стали важнейшим инструментом в политике языка в Молдове. Анализ поданных в него заявлений по языковым

---

⁴³ Pouliot V. Practice tracing // Bennett A., Checkel, J. (eds.) *Process Tracing: From Metaphor to Analytic Tool. Strategies for Social Inquiry*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2015. P. 237–259.

вопросам и вынесенных в ответ на них решений позволяет проследить, к каким унаследованным политико-институциональным и политико-культурным традициям прошлых периодов апеллируют акторы политики языка в Молдове в настоящее время.

Затем мы исследуем составляющие языковой режим языковые практики в четырёх ключевых сферах: государственные услуги, государственное образование, средства массовой информации и коммерческие услуги. Для этого мы анализируем собранные массивы доступных статистических данных, дающие нам возможность проверить реализацию законодательно закреплённых принципов управления этноязыковым многообразием в республике в каждой из четырёх областей, а также выяснить, как на это влияют политико-институциональные и политико-культурные традиции. В случае государственных и коммерческих услуг мы также изучаем элементы виртуального языкового ландшафта, служащего относительно актуальным отражением языковых практик⁴⁴. В силу более регулярной обновляемости контента по сравнению с элементами физического языкового ландшафта анализ языковой составляющей официальных веб-сайтов государственных учреждений и частных компаний позволяет проверить не только, насколько их реальные языковые практики соответствуют заявленным принципам языковой политики, но и в какую сторону они меняются в условиях цифровизации⁴⁵.

Хотя Республика Молдова не входит в число развитых стран и на протяжении всего периода независимости сталкивается с экономическими проблемами, мы тем не менее считаем релевантным анализ виртуального языкового ландшафта в республике в связи с повышением роли цифрового

---

⁴⁴ Ivkovic D., Lotherington H. Multilingualism in cyberspace: Conceptualising the Virtual Linguistic Landscape // *International Journal of Multilingualism*. 2009. Vol. 6(1). P. 17–36.;

⁴⁵ Goma Y. Language Policy in the Virtual Linguistic Landscape: the Case of the Kingdom of Bahrain E-Government National Portal // *Cadernos de Linguagem e Sociedade*. 2020. Vol. 21(2). P. 19–37.; Maseko B., Siziba L. On the Dialectics of Policy and Practice: Multilingualism and the Virtual Linguistic Landscape of a South African University // *Cogent Arts & Humanities*. Vol. 10(2). P. 1–16.

пространства в повседневной жизни жителей Молдовы. Так, согласно данным НАРЭКИТ⁴⁶, в 2022 г. уровень проникновения мобильного интернета по республике составил 113,6% (2,8 млн активных пользователей при 2,5 млн постоянного проживающего населения, 79,4% в 2018 г.), фиксированного – 67% на 100 домохозяйств (49,7% в 2018 г.)⁴⁷. К тому же, в 2024 г. Молдова занимает 9-е место в мире по ценовой доступности интернет-услуг⁴⁸, а в 2020 г. заняла 53-ю позицию по индексу готовности к электронной торговле ЮНКТАД (62-е место в 2014 г.)⁴⁹.

Кроме того, для достижения задач исследования применяются следующие **качественные методы**. Так, историко-генетический метод используется для рассмотрения процесса формирования и эволюции языкового режима на территории современной Республики Молдова в трёх упомянутых ранее исторических периодах, а историко-сравнительный метод помогает объяснить, почему в Приднестровье и Гагаузии ситуация сложилась иначе. Основой для изучения законодательных актов и международных соглашений служит политико-правовой метод, который позволяет упорядочить и систематизировать официальные документы различных уровней, формирующие институциональный каркас языкового режима в республике. Для анализа опросов общественного мнения и других статистических данных применяются описательные статистики.

Источники данных

Ключевыми **источниками данных** для исследования являются законодательные акты и официальные документы органов власти Республики

---

⁴⁶ Национальное Агентство по Регулированию в области Электронных Коммуникаций и Информационных Технологий Республики Молдова.

⁴⁷ Anuar statistic dezvoltarea comunicațiilor electronice în Republica Moldova în anul 2022 // Agenția Națională pentru Reglementarea în Comunicații Electronice și Tehnologia Informației. URL: https://anrceti.md/files/filefield/Anuar_statistic_anul2022.pdf (дата обращения: 10.08.2024).

⁴⁸ Global broadband pricing league table 2024 // Cable.co.uk. URL: <https://www.cable.co.uk/broadband/pricing/worldwide-comparison/#cis> (дата обращения: 10.08.2024).

⁴⁹ UNCTAD Technical Notes on ICT for Development № 17 // United Nations Conference on Trade and Development. 2020. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tn_unctad_ict4d17_en.pdf (дата обращения: 10.08.2024).

Молдова (и бывшей Молдавской ССР, действующие по сей день) и непризнанной Приднестровской Молдавской Республики (ПМР), касающиеся вопросов этноязыкового регулирования, образования, государственной службы и аудиовизуального сектора.

Кроме того, в работе используются материалы молдавских, российских и зарубежных СМИ, а также данные статистики. К последним преимущественно относятся статистические и этнографические сборники разных эпох: «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба» (1859 – 1868), данные переписей населения Российской империи и СССР, Перепись населения Республики Молдова за 2004 г. и Перепись населения и жилищ РМ 2014 г., ежегодные доклады Совета по равенству, Ежегодник Государственной службы статистики ПМР, а также опросы и доклады молдавских и зарубежных аналитических центров, подготовленные при поддержке Программы развития ООН в Молдове и других международных организаций (ОБСЕ, Совет Европы).

Определение научного вклада исследования в развитие предметного поля

Результаты исследования позволяют сделать вклад сразу в несколько областей политической науки.

Во-первых, настоящая диссертация предлагает отход от распространённого понимания языкового режима как исключительно результата государственной политики в языковой сфере. В новой концептуализации этого понятия под языковым режимом мы понимаем институциональные языковые практики, отражающие политику языка в выбранном сообществе, то есть формальные и неформальные отношения между разного рода акторами по поводу языка и политики.

Во-вторых, данное исследование предлагает адаптацию концепции «государственных традиций» Л. Кардинал и С. Зоннтаг для изучения случаев государств, не имевших опыта государственности или чей период

независимости был непродолжительным. В их отношении предлагается говорить о политико-институциональных традициях, которые возможно проследить при смене формы управления территорией, и отличающихся большей устойчивостью политико-культурных традициях, подразумевающих представления и установки членов конкретного сообщества.

Методологической новизной диссертации является использование метода *practice tracing* – интерпретивистской версии *process tracing*, а также заимствование из социолингвистики метода анализа языкового ландшафта, позволяющего проследить, насколько языковые практики государственных институтов и учреждений, а также частных организаций соответствуют декларируемым принципам языковой политики. В данной работе используется его адаптация для анализа цифрового пространства.

Диссертация также вносит вклад в изучение процесса нациестроительства в Республике Молдова, расширяя набор доступного исследователю аналитико-теоретического инструментария. Работа сместила фокус с привычных рамок политики идентичности в пользу исследовательского поля языковых режимов, также избегая сведения дискуссии к анализу геополитического фактора в Молдове, свойственного трудам многих предшественников.

Кроме того, настоящее исследование дополняет список стран, случаи которых были изучены с помощью предложенных Л. Кардинал и С. Зоннтаг концепций государственных традиций и языковых режимов, оформленных языком исторического институционализма. Его результаты подтвердили, что формирование языкового режима происходит под влиянием унаследованных государством политико-институциональных и политико-культурных традиций. Таким образом, была разработана новая версия теоретической рамки языковых режимов, адаптированная под недавно обретшие независимость государства. Это может послужить стимулом к появлению

кейс-стади по странам, имеющим схожие проблемы управления этноязыковым многообразием, а также сравнительных исследований.

Положения, выносимые на защиту

1. Существующие междисциплинарные подходы к изучению языковых режимов в основном применимы к государствам, имеющим длительный опыт непрерывного самостоятельного существования, а следовательно, стабильные государственные традиции. При этом изучение проблем управления многообразием одинаково актуально и для стран, обретших свою независимость впервые или заново только во второй половине XX века. В их отношении вместо государственных уместно говорить о политико-институциональных традициях, преемственность которых возможно проследить, а в нашем случае, и о политико-культурных традициях, отражающих представления, установки и практики членов сообщества, также оказывающих влияние на языковую политику государства, а следовательно, и на формирование языкового режима.

2. С 1989 г. политика языка в Молдове эволюционировала от исключительно государственной политики по регулированию этноязыкового разнообразия до области отношений по поводу языка и политики между разного рода акторами. Последние включают в себя: политические партии, академические институты, медиа, неправительственные организации и частные предприятия. С определенными оговорками их можно разделить на прорумынский и молдовенистский лагеря. Первый выступает за румынскую идентичность языка и народа Молдовы, тогда как второй – за сохранение молдавской идентичности, а также роли русского языка как языка межнационального общения. Таким образом, в нашей концептуализации языковой режим в Молдове представляет собой не правовую рамку, формирующуюся в результате языковой политики государства, а институциональные языковые практики, отражающие политику языка в республике.

3. За почти 180-летний период, охвативший пребывание территории современной Молдавии в составе Российской империи, Румынии и Советского Союза, сформировались разные традиции управления. С административной точки зрения, сложилась ситуация фактического отсутствия либо избирательного включения этнических молдаван в управленческую элиту собственной страны, тогда как в сфере управления этноязыковым многообразием возникли две конкурирующие модели. Первая – имперская, а затем советская традиция совместного мирного проживания разных этнических групп, в основе которой русский язык как язык межнационального общения. Вторая – румынская традиция унитарного национального государства, предполагающая официальный статус только для румынского языка. С момента принятия языковых законов 1989 г. исторически сложившиеся на территории Молдавии политико-институциональные и политико-культурные традиции находят своё отражение в современном языковом режиме.

4. Оформление нормативно-правовой базы языкового режима в Молдове можно условно разделить на два этапа. Первый, с 1989 по 2001 гг., демонстрировал стремление балансировать между конкурирующими традициями в принимаемых правовых актах, а также внедрить в них международные стандарты в области защиты прав национальных меньшинств. Вторым этапом, с 2001 г., характеризуется попытками изменения правовой рамки языкового режима в пользу одной из двух моделей управления этноязыковым многообразием. Сторонниками многоязычия традиционно выступают левые партии, Партия коммунистов РМ и Партия социалистов РМ, тогда как однопольное продвигается правыми прорумынскими объединениями, среди которых наиболее активными в политике языка являются последователи Народного фронта Молдовы, Либеральная партия и Партия «Действие и солидарность».

5. Языковые практики государственных институтов, учреждений образования, СМИ и коммерческих предприятий Молдовы демонстрируют,

что заложенные в языковые законы 1989 г. стремления вернуть молдавскому языку его социальные функции в целом оказались эффективны. В то же время попытки значительно сократить сферу использования русского языка не были восприняты молдавским обществом в силу стабильной интернациональной традиции, основой которой он является. Таким образом, государственная политика оказывает ограниченное влияние на языковые практики в республике, формируя ситуацию, при которой практики государственного управления многообразны и реальные языковые практики только частично резонируют друг с другом. Сильнее всего это проявляется в регионах компактного проживания этнических меньшинств: Гагаузии и Приднестровье.

6. Процесс европейской интеграции Республики Молдова вероятнее всего гармонизирует нормотворческую деятельность в сфере регулирования этноязыкового многообразия, однако вряд ли сможет преодолеть несоответствие языковой политики государства и фактического языкового режима. Политико-институциональные и политико-культурные традиции, исторически сложившиеся на территории Молдовы, продолжают быть определяющим фактором функционирования и эволюции языкового режима в республике при сохранении этноязыкового многообразия.

Апробация работы

Доклады с результатами работы, отражающими развитие исследования на разных этапах, были представлены на следующих международных конференциях:

1. IV Международная конференция «Мультилингвизм в городском пространстве: политика, идентичности, образование» (г. Москва, 7 – 8 апреля 2022 г.). Доклад «Factors contributing to language shift in Pridnestrovie».
2. Международная научная конференция «Публичная дипломатия великих и региональных держав в Средиземноморско-Черноморском регионе» (г.

Москва, 20 – 22 октября 2022 г.). Доклад «Публичная дипломатия великих держав в Республике Молдова в 2014 – 2022 гг.».

3. V Международная конференция «Мультилингвизм в городском пространстве: политика, идентичности, образование» (г. Москва, 6 – 8 апреля 2023 г.). Доклад «Combining “thinking politically” and “thinking linguistically”: theoretical approaches to language regimes».

Основные результаты диссертационного исследования опубликованы в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных НИУ ВШЭ:

1. Tulum A. S., Zubalov D. Yu. Impact of Language Ideologies on Language Practices in Pridnestrovie // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2022. Vol. 15(11). P. 1552–1572.
2. Тулум А. С. Теоретические подходы к языковым режимам // Общественные науки и современность. 2024. №4. С. 128–136.
3. Тулум А. С. Роль негосударственных акторов в политике языка в Республике Молдова // Международная аналитика. 2024. 15(3). С. 122–137.

Основное содержание работы

В **первой главе** представлен обзор имеющихся в науке подходов к изучению языковых режимов, а также формулируется теоретическая рамка диссертации. Анализ доступного инструментария в политической науке, где понятие «языковой режим» было впервые концептуализировано, и социолингвистике, к которой традиционно относятся исследования языковой политики, привёл нас к следующим выводам.

Применение понятия «языковой режим» как самостоятельного, а не синонимичного языковой политике или языковой идеологии, оправдано его большим потенциалом для объяснения связи между языковыми и политическими феноменами. Уверенности в этом придаёт отмечаемая как

политологами, так и социолингвистами необходимость изучения контекста, в котором формируется языковой режим, что включает в себя исследование не только правовых норм, но институциональных практик и языковых установок, существующих в определённом сообществе. Следовательно, это подразумевает изучение двух уровней общественного взаимодействия, касающихся властных и социальных отношений между языковыми группами, в результате которых и формируются языковые режимы. В связи с этим мы предложили собственную интерпретацию языкового режима не как результата исключительно государственной *языковой политики*, а как институциональных языковых практик, отражающих *политику языка* в выбранном сообществе. Под последней понимаются формальные и неформальные отношения между разного рода акторами по поводу языка и политики.

Далее, объяснив наш выбор между институционализмом рационального выбора и историческим институционализмом в пользу последнего, мы окончательно сформулировали собственную версию подхода к изучению языковых режимов. Отталкиваясь от концептуализации Кардинал и Зоннтаг, оформленной языком исторического институционализма, под языковым режимом мы предлагаем понимать исторически обусловленные языковые практики, отражающие формальные и неформальные отношения между разного рода акторами по поводу языка и политики в конкретном сообществе. При этом под формальными отношениями имеются в виду практики публичной политики в области регулирования этноязыкового разнообразия, тогда как неформальные отношения определяются как обмен установками и представлениями о языке, языковом многообразии и методах его управления. Историческую детерминированность (*path dependence*) практик предлагаем концептуализировать через политико-институциональные и политико-культурные традиции соответственно. Возможность проследить их преемственность и в случае новых независимых

государств значительно расширяет объяснительный потенциал данного подхода, таким образом решая исследовательскую проблему настоящей диссертации, касающуюся применимости концепции «государственных традиций» для изучения языковых режимов стран, недавно или заново обретших независимость.

В результате была сформулирована теоретическая рамка исследования, подразумевающая, что свойственные определённому сообществу политико-институциональные и политико-культурные традиции влияют на языковую политику государства, а значит, и на формирование институциональных языковых практик, составляющих языковой режим. Вместе с тем для решения проблемы «локализации» разработанного инструментария теоретическая рамка была дополнена уровневой системой Э. Ройлса и Х. Льюиса⁵⁰, позволяющей структурировать изучение языкового режима в Республике Молдова, выделяя субгосударственный уровень Гагаузии и Приднестровья, а также институциональный контекст Европейского Союза и конвенций и хартий Совета Европы.

Вторая глава посвящена особенностям формирования политико-институциональных и политико-культурных традиций на территории Республики Молдова в имперский (1812 – 1917 гг.), румынский (1918 – 1940 гг.) и советский периоды (1924 – 1940 гг. в МАССР, 1940 – 1991 гг. в МССР), а также анализу языковых законов 1989 г., в которых эти традиции нашли отражение.

За почти 180-летний период на территории современной Молдавии сложилась ситуация фактического отсутствия этнических молдаван в управлении собственной страной и их избирательного включения в административную элиту. Если в имперский период это объяснялось политикой ассимиляции местной аристократии и очень низким уровнем

---

⁵⁰ Royles E., Lewis H. Language Policy in Multi-Level systems: A Historical Institutional Analysis // The British Journal of Politics and International Relations. 2019. Vol. 21(4). P. 709–727.

грамотности и активности молдавского населения, проживающего в большинстве своём в сельской местности, то в румынский и советский периоды ограничением выступало отсутствие уверенности властей в политической лояльности молдаван.

В то же время мы можем констатировать, что в обозначенные периоды сформировались конкурирующие традиции управления этноязыковым многообразием. Возникшая в середине XIX века в результате слияния княжеств Молдавии и Валахии Румыния, аннексировав Бессарабию в 1918 г., стремилась пробудить у бессарабских молдаван румынское самосознание, которого у них не было вследствие отторжения Бессарабии от княжества Молдавии в 1812 г. в пользу России. Но, несмотря на форсированную румынизацию, она лишь частично преуспела в этом. Многонациональный состав населения Бессарабии и его лояльность русскому языку и культуре стали преградой на пути ассимиляторской политики национализирующего румынского государства.

Имперский же проект видел Бессарабию членом семьи народов России, что во многом продолжил и советский интернациональный проект, предложив «дружбу народов», а точнее социалистических наций. Сначала, в рамках МАССР (1924 – 1940), советская власть пыталась компенсировать имперское прошлое через коренизацию, строя молдавскую нацию и рассчитывая на вхождение в неё Бессарабии, при этом постоянно экспериментировала с понятием «молдавский язык», то сближая, то отталкивая его от литературного румынского. Вернув Бессарабию, она перестала отрицать близкое родство двух языков, признав общность литературной основы обоих языков, но утвердила кириллическую графику для молдавского языка. В то же время «маятниковый» характер национальной политики Советского Союза следующих десятилетий, чередовавшей новые волны коренизации с русификацией, привёл к серьёзному дисбалансу в использовании молдавского и русского языков в республике. В условиях

перестройки Компартия Молдавии была уже не способна качественно разрешить накопленные проблемы, зато к этому стали готовы представители усилившейся к тому времени национальной интеллигенции, не скрывавшей прорумынских симпатий.

В результате в период национального возрождения обострились все накопленные за два века противоречия, и события 1989 г. стали критическими развилками для языкового режима в Молдавии. Республика могла пойти либо по пути построения национального румынского государства, чего требовали многие прорумынские активисты, либо придерживаться практик советской национальной политики, поддерживающей *status quo*. Однако языковые законы 1989 г. явились одновременно воплощением исторических практик, осуществлявшихся на территории Молдавии в XX веке, и компромиссом между ними. С одной стороны, они удовлетворили требования молдавского национального большинства о возведении родного языка в статус государственного для обретения им всех социальных функций, что уже случалось в румынский период в процессе румынизации. С другой стороны, они продолжили советскую практику построения билингвального общества и предоставили гарантии развития языков всех этнических групп, традиционно проживающих в республике, что уважает её этническое многообразие и продолжает советскую многонациональную традицию, несвойственную национальному румынскому государству⁵¹. В то же время закон не учёл двухсотлетнюю практику привилегированного использования русского языка на этой территории, что в результате привело к конфликтам в Гагаузии и Приднестровье, где русскоязычные граждане требовали предоставления статуса государственного языка и русскому.

В третьей главе диссертации представлен анализ современного языкового режима в Республике Молдова. Сначала мы рассмотрели процесс формирования его нормативно-правовой базы. Затем, используя

---

⁵¹ Marácz L. Op. cit.

статистические материалы, аналитические отчёты и собранные данные о виртуальном языковом ландшафте, изучили языковые практики в четырёх ключевых сферах: государственные услуги, государственное образование, средства массовой информации и коммерческие услуги, – и проверили, насколько они резонируют с языковой политикой государства. В заключительном параграфе был проанализирован политический фактор в трансформации языкового режима в Молдове.

Как и в случае с законами 1989 г., оформление правовой рамки языкового режима и попытки её менять в течение всех лет независимости проходили в той же канве балансирования между конкурирующими историческими традициями, в результате чего современный языковой режим в Молдове можно охарактеризовать как неоднородный.

Придание и отстаивание статуса румынского языка как единственного государственного связано как со стремлением компенсировать ограничения доступа к власти для этнических молдаван в имперский и советский периоды, так и с желанием прорумынски настроенных сил вернуть Молдову в состав национального унитарного румынского государства, не подразумевающего официальный статус для любого другого языка, кроме румынского. Сохранение же за русским языком широких социальных функций обязано интернациональной традиции советской эпохи, когда русский выполнял роль языка межнационального значения, закрепившуюся ещё в царской России и сохранившуюся в период румынской оккупации. Нагляднее всего это реализовано в Гагаузии, где был достигнут компромисс, позволивший ввести три официальных языка. При этом законодательство Приднестровья, не согласующееся с правовыми актами Молдовы, полностью апеллирует к традиции многоязычия и советской версии молдавской историографии, считающей молдавский язык на кириллической графике отдельным от румынского языком.

На уровне языковых практик неоднородность языкового режима определяется степенью формальности сферы публичной жизни, в которой используется язык. Чем формальнее среда и чем больше она подлежит государственному регулированию, тем сильнее в ней румынское одноязычие. Например, самый высокий уровень дискриминации по языковому признаку фиксируется в системе правосудия. В образовании и аудиовизуальном секторе режим становится билингвальным с преобладанием государственного языка. Исключение составляет цифровое медиaprостранство, где представленность русского языка не ограничивается государством. Близкий к паритетному двуязычию режим наблюдается только в сфере коммерческих услуг, агенты которого заинтересованы в охвате наибольшей аудитории вне зависимости от этнического происхождения клиента. Их языковые практики обуславливаются политико-культурными традициями Молдавии, среди которых превалирует советская интернациональная с русским языком как *lingua franca*.

Существуют и географические особенности языковых практик. В местах компактного проживания болгарского и гагаузского национальных меньшинств, Тараклии и Гагаузии, наблюдается преобладание русского языка над румынским и языками самих меньшинств, которые наряду с украинским, языком самой крупной этнической группы после молдаван, имеют минимальное присутствие в публичной сфере. Так же можно охарактеризовать и языковой режим в Приднестровье, где в условиях декларируемого многоязычия наблюдается практически полное русскоязычие всех четырёх сфер.

Хотя процесс европейской интеграции, определяющий развитие Молдовы уже более 10 лет, представляется молдавскими властями как возможность сгладить неоднородность языкового режима через развитие многоязычия, уважение прав национальных меньшинств и поощрение их участия в жизни общества и управлении государством, реальные действия правительств указывают на обратное. Параллельно с продвижением

европейских норм постоянно предпринимаются попытки политизации вопроса о названии государственного языка или статусе русского языка. Это указывает на то, что возможное присоединение Молдовы к ЕС вряд ли станет новой критической развилкой для языкового режима в республике, а конкурирующие румынская традиция национального государства и советская интернациональная традиция продолжают определять траектории его эволюции при сохранении этноязыкового многообразия.